

Атанасиус Кирхер – забытый энциклопедист XVII века

Л.И. Иогансон

*Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
123242 Москва, Б. Грузинская ул., д. 10, стр. 1
iogan@ifz.ru*

So ganz unerwartet, Vater Kircher ist hier wieder.

*Goethe. Farbenlehre**

Введение

Настоящая статья посвящена жизни и трудам Атанасиуса Кирхера, «последнего человека Ренессанса», испытавшего прижизненную славу, многолетнее забвение и своего рода «второе рождение» в лоне современной европейской цивилизации.

Атанасиус Кирхер (1602–1680) – монах-иезуит, родившийся в Германии, бежавший из нее во время Тридцатилетней войны и большую часть жизни проживший в Риме, был известнейшим в свое время эрудитом и ученым широчайшего профиля. В сферу его интересов входили математика, география, геология, история, астрономия, лингвистика, акустика, оптика, механика, гидрология, гидротехника и пиротехника, криптография, фортификация, химия, архитектура, музыка, магнетизм, военная тактика и стратегия – то есть практически все существовавшие тогда научные дисциплины.

Он был автором многих изобретений, предвосхитивших современные сложнейшие разработки, и создателем уникального публичного музея древностей и редкостей в Риме. Его слава распространялась на всю Европу. Однако уже в конце жизни Кирхера эта слава померкла, а в последующие 300 лет его имя упоминалось преимущественно в контексте анализа научных заблуждений и постепенно переместилось в примечания в работах по истории науки.

Тем более показательным представляется бурное возрождение интереса к этой необычной

фигуре XVII века, наблюдающееся в последние десятилетия, главным образом, в США, Италии и Германии. Очевидно, в личности Кирхера, возможно, гораздо более, чем в его обширных трудах, заключается источник притяжения для взыскательных и пресыщенных современных интеллектуалов. В чем-то он созвучен нашей сложной эпохе, уставшей от рационализма.

Начальная «реанимация» Кирхера произошла в литературе, и наибольшую популярность этому имени обеспечил известный медиевист и писатель Умберто Эко («Остров накануне», «В поисках совершенного языка» и «Серендипность: Язык и безумие»).

Затем подключились ученые, и началось лавинообразное появление статей и монографий, стали проводиться симпозиумы, создаваться «кирхеровские» отделы в крупных музеях, в том числе крупнейший – в Стэнфордском университете США.

Возникла так называемая «кирхериана», охватившая широкий круг специалистов и междисциплинарных исследователей. Так, в мае 2002 года, в 400-ю годовщину со дня рождения Кирхера, в Нью-Йоркском Гуманитарном институте был проведен симпозиум «Was Athanasius Kircher the coolest guy ever, or what?», что примерно переводится как «Был ли Атанасиус

* Нем. И вот, совершенно неожиданно отец Кирхер снова здесь (*Гёте. Теория цвета*).

Кирхер самым крутым?». В 2004 году в Нью-Йорке вышел обстоятельный том «Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything» («Атанасиус Кирхер: последний человек, который знал все») под эгидой Паолы Финдлен, одной из наиболее ревностных современных его почитательниц. В 2012 году биография Кирхера «A Man of Misconceptions: The Life of an Eccentric in an Age of Change», написанная Дж. Гласси, получила первую премию. В этом же году группа американских и итальянских геологов назвала новооткрытый минерал кирхеритом [Conor, 1974; Rowland, 2000; Findlen, 2004; Godwin, 1979, 2009; Fletcher, 2011; Glassie, 2012; Parcell, 2009; Harrington, 2009; Yamada, 2006; Principe, 2011; и др.].

Анализируя столь бурное возрождение интереса к полузабытому автору, исследователи этого феномена приводят разные объяснения. Одно из них находит особенности мышления Кирхера резонирующими с постмодернистской картиной мира, так и называя его «постмодернистом в домодернистском мире». Лоуренс Уэшлер (L. Weschler), хранитель «Музея юрских технологий» (Museum of Jurassic Technology) в Лос-Анджелесе, где есть специальный отдел Кирхера, признаками кирхеровского постмодернизма считает его субверсивность (провокативность), стремление к известности, техноманию и поразительный эклектизм.

Но гораздо больше заслуживает внимания точка зрения, ориентированная на универсальный подход Кирхера к постижению мира, на его формулу «omnia in omnibus» (все во всем), и ут-

верждение, что «все явления в мире связаны тайными узлами». Именно такой подход, названный позднее холистическим, стал востребованным в условиях крайней дифференциации науки, даже ее некогда единых дисциплин, когда ученые перестали говорить на одном языке и понимать друг друга [Principe, 2011; Fletcher, 2011].

Может быть, лучше всего о причинах возрождения интереса к Кирхеру сказал Дж. Годвин, английский композитор и музыковед: «Он был всего лишь католиком, но он дает доступ к чему-то за пределами религии, науки и политики. Эти приходят и уходят, но природа вещей не изменяется и исключительные личности периодически ее прозревают. Это смысл ренессансной концепции *prisca theologia* (древней теологии) и *philosophia perennis* (вечной философии), находящихся в трудах Гермеса Трисмегиста, Зороастра, гимнах Орфея, Золотых стихах Пифагора, диалогах Платона и произведениях неоплатоников... Герметические учения утверждают разумное устройство и гармонию Вселенной, существенную божественность мира, невидимую сеть, связывающую все вещи вместе, место человеческого микрокосма в космической иерархии и назначение души, когда она нисходит в тело и покидает его. Это сердцевина всей западной эзотерической традиции. Она не угрожает вечным проклятием, не презирует природу и не проклинает материальный мир как зло. Охватить это – радостное знание, и пример Кирхера со всей его серьезностью, странностью, любопытством и юмором вдохновляет на это» [Godwin, 2009].

Краткие биографические сведения. Германия и бегство в Рим

Атанасиус Кирхер родился 2 мая 1602 года в г. Гайза, в Центральной Германии, в семье профессора теологии Иоганна Кирхера. Он получил прекрасное образование в иезуитском колледже городов Фульды и Кобленца. Еще во время учебы он начал преподавать древнегреческий язык, а после ее окончания преподавал математику, философию и древние языки, в том числе древнееврейский, в иезуитских колледжах в городах Центральной Германии – Кобленце, Майнце, Вюрцбурге и др.

Кирхер вступил в Орден иезуитов и после испытательного срока в 1628 году принял монашество.

С 1618 года в Германии полыхала религиозная Тридцатилетняя война, протестанты жестоко

преследовали католиков. С военными реалиями связан известный эпизод из жизни Кирхера, кочующий из источника в источник: молодой иезуит решил бежать из охваченной войной страны, пренебрегая опасностью и не сменив монашеское облачение на светскую одежду. Но попавшись в руки протестантского отряда, проявил такое хладнокровие и самообладание, что враги, уже волочившие его к ближайшему дереву, чтобы повесить, пораженные его выдержкой, отпустили монаха с миром.

В 1631 году Кирхер попал в Авиньон, где в иезуитском колледже преподавал математику, натуральную философию и восточные языки. О числе иностранных языков, которыми владел Кирхер, в литературе имеются разночтения, в

Портрет А. Кирхера в возрасте 62 лет.
Гравюра Корнелиуса Бломаерта

любом случае речь идет о десятках, а в отдельных источниках упоминается даже о 100 языках.

К 1630-ым годам определились его научные интересы и духовные устремления. Во время своих странствий по германским городам, в одной из библиотек Кирхер увидел книгу с египетскими иероглифами. С тех пор его навязчивой и страстной идеей стало желание расшифровать эти письмена. Другой страстной мечтой Кирхера стало миссионерство на Востоке.

Забегая вперед, следует отметить, что египетские иероглифы Кирхеру расшифровать не удалось, но он по праву считается основоположником египтологии в Европе.

Миссионером он также не стал: руководство ордена посчитало препятствием излишнюю темпераментность Кирхера и отсутствие у него смирения и склонности к самоуничижению. Зато в будущем ему пришлось стать неким единым центром иезуитской миссионерской деятельно-

сти в далеких странах, связанным со сбором разного рода материала для научного изучения.

Между тем в 1631 году вышла в свет первая научная книга Кирхера, посвященная магнетизму «*Ars magnetica*» («Магнетическое искусство»). К этой теме он будет обращаться постоянно на протяжении всей жизни и выпустит еще несколько книг по магнетизму.

В Авиньоне Кирхер завел ценные знакомства и получил репутацию многообещающего ученого и почти специалиста по иероглифам. Большую роль в дальнейшей судьбе Кирхера сыграл французский астроном и антиквар Николя-Клод Фабри де Пейреск (1580–1637), который тоже интересовался египетскими древностями. Именно благодаря рекомендации де Пейреска Генералу Ордена иезуитов Муцио Вителлески в 1633 году Кирхер переезжает в Рим, где попадает в близкое окружение к Папскому престолу и назначается профессором математики и восточных языков в престижной Римской коллегии (*Collegio Romano*).

Предшественником Кирхера в Римской коллегии был идейный противник Галилея, Кристоф Шейнер. На этой должности Кирхер пробыл до 1646 года, когда ему разрешили оставить преподавательскую стезю, и он превратился в «единоличный институт для прогресса знаний» [Findlen, 2004].

Следует упомянуть еще одну легенду, связанную с приездом Кирхера в Рим и, очевидно, выразительно характеризующую его склонность к мистификаторству. Говорили, что в Рим он привез старинную книгу древнего восточного мудреца, в которой содержался ключ к расшифровке египетских иероглифов, и купленные в Марселе семена загадочных растений, цветы которых были солнечными часами. Как свидетельствует рисунок в одной из книг Кирхера, этим таинственным растением был обыкновенный подсолнух. Способность крупного соцветия (корзинки) этого растения поворачиваться вслед за солнцем (гелиотропизм) в дневное время суток превращала его в своеобразные солнечные часы. Для большей точности измерений соцветия рекомендовалось снабдить металлическим указателем и циферблатом.

Египетские штудии

В то время папой в Риме был Урбан VIII (Маттео Барберини) и только что закончился инквизиционный процесс над Галилео Галилеем.

Всего 33 года назад Джордано Бруно был сожжен на костре за ересь, важной составляющей которой была приверженность герметическому

учению, восходящему к древней египетской мудрости.

При этом католическая церковь во главе с Папой были глубоко заинтересованы в расшифровке иероглифов, раскрытии египетских тайн и секретов эзотерических учений, тем более что именно как специалист по иероглифам Кирхер был приглашен в Рим. Он сосредотачивает свои усилия на изучении истории Древнего Египта по трудам не только европейских, но и арабских историков, что навело его на весьма плодотворную мысль о связи коптского языка с древнеегипетским.

Первый ученый труд Кирхера в Риме «*Prodromus coptus sive aegyptiacus*» («Коптские или египетские вестия») вышел в 1636 году и был посвящен именно коптскому языку. Большим продвижением в этом направлении был перевод манускрипта, привезенного с Ближнего Востока итальянским путешественником Пьетро делла Валле (1586–1652) и содержащего грамматику коптского языка и коптско-арабский словарь [Томсинов, 2004]. В 1646 году Кирхер опубликовал его обработанный перевод под названием «*Lingua aegyptiaca restituta*» («Восстановленный египетский язык»). Впоследствии Ж.Ф. Шампольон, расшифровавший египетские иероглифы во многом благодаря трудам и прозрениям Кирхера, отдавал ему должное именно за «распространение изучения коптского языка», но пренебрежительно отзывался о его самостоятельных попытках расшифровать иероглифы и даже о качествах перевода [Йейтс, 2000; Томсинов, 2004].

Кирхер действительно разработал свой подход к чтению иероглифов и даже давал уроки «древнеегипетского», писал на нем письма и «прочитал» все тексты на римских обелисках. Однако это был субъективный, необоснованный подход, не имеющий ничего общего с первой научной трактовкой иероглифов, до которой оставалось более ста лет, и «Розетский камень», найденный наполеоновскими солдатами, еще мирно покоился в песках Египта.

Тем не менее, Кирхер был в центре египетских штудий, занятия которыми стимулировались не только его не остывающей с юности страстью, но и поощрительным интересом, как уже упоминалось, со стороны Папского престола. В 1650 году древнеегипетские симпатии проявились при праздновании «святого года», в честь которого Папа Иннокентий X (Джамбаттиста Памфили, 1574–1655) распорядился соорудить

фонтан четырех рек на пьяцца Навона. Автором фонтана был знаменитый Джан Лоренцо Бернини (1598–1680), а консультантом – А. Кирхер.

В центре фонтана с аллегорическими фигурами главных рек четырех континентов (Нила, Дуная, Ганга и Ла-Платы), на камнях (символ католической церкви) с пустотами между ними (символ греховности) был водружен обелиск, как полагали, древнеегипетский, с расшифрованными Кирхером надписями. Позднее оказалось, что это римская подделка, а иероглифы только имитировали древнеегипетские письмена, имея чисто декоративную функцию без того глубокомыслия, которое им придавал переводчик.

Результаты своих многолетних древнеегипетских штудий А.Кирхер изложил в двухтомном труде «*Oedipus Aegyptiacus*» («Эдип Египетский»), выходявшем по частям в 1652–1654 годах и в полном объеме (около 2 тысяч страниц) появившемся только в 1655-м. По мнению А. Стрельцова [2013, с. 76], «в этом произведении ученый попытался свести воедино все известные к тому времени сведения о мудрости Древнего Востока. Сейчас бы мы сказали, что он занимался сравнительным религиоведением. Кирхер считал языческую религию древних египтян источником религий и верований практически всех народов – греков, римлян, евреев, халдейцев и даже индусов, китайцев, японцев, ацтеков и инков. Свод герметических текстов, полагал он, содержит ядро древней теологии, общей для всех народов. Примечательно, что благочестивый иезуит Кирхер “допускал возможность” существования божественной истины во всех религиях прошлого, а также у иноверцев своего времени, до которых еще не дошло христианское послание».

В этой связи необходимо подчеркнуть, что интерес к Древнему Египту в культурном пространстве Европы с эпохи Ренессанса не ограничивался стремлением понять древнюю письменность и культуру, а был обусловлен интригующей загадкой так называемого «Герметического свода», сборника текстов, авторство которых приписывалось легендарному Гермесу Трисмегисту (Триждывеличайшему). Гермес Трисмегист – древнеегипетский мудрец и маг, восстановивший истинное божественное знание, переданное Адаму и впоследствии сознательно или невольно искаженное. Указанные тексты были переведены на латынь в 1471 году Марсилио Фичино и породили обилие толкований, образо-

вав своеобразный корпус так называемой герметической литературы [Йейтс, 2000; Томсинов, 2004].

В своем «Эдипе Египетском» Кирхер, опираясь на всю доступную в его время литературу, в том числе герметические тексты, изложил все известные тогда сведения как об истории, географии и культуре Египта, так и герметические представления, а также и свое толкование истории изначальной божественной мудрости, переданной людям. Вкладом Кирхера в анализ герметической системы было и вовлечение в рассмотрение обелисков и пирамид. Так, по его мнению, на пирамидах записывалась искаженная мудрость, а обелиски были использованы для откровений самого Гермеса Трисмегиста, который и изобрел новую форму записи в виде иероглифов, доступных только посвященным.

Любопытно в этой связи не только сверхпочтительное отношение Кирхера к этому легендарному мудрецу, но и суровое осуждение им последнего за использование черной магии. Последнее находилось в полном соответствии с убеждениями Кирхера-иезуита, не позволявшего себе и тени сомнения в истинности позиции католической церкви, рассматривавшей магию как орудие дьявола. В этой связи небезынтересно привести цитату из работы Ф. Йейтс «Джордано Бруно и герметическая традиция» [2000], проясняющей трагическую судьбу своего героя и Кирхера, благополучно миновавшего даже малейшие неприятности, при общности интересов к египетской эзотерике: «В ряду наших героев фигура Кирхера представляет интерес благодаря его страсти ко всему египетскому в сочетании с ревностным религиозным герметизмом. Египтянство у Джордано Бруно было демоническим и революционным, направленным к полному восстановлению египетско-герметической религии. В египтянстве иезуита Кирхера дьявольская магия безоговорочно осуждается, христианству отводится первенство, однако Египет и египетский магический крест сохраняют наряду с христианством некоторое значение, так или иначе связанное с тем решающим фактом, что Гермес Трисмегист был принят Церковью».

Большое место в «Эдипе Египетском» занимает трактовка египетских иероглифов. По мне-

нию Ф. Йейтс, Кирхер продолжал и углублял ренессансную традицию трактовки иероглифов как символов, за которыми скрываются глубочайшие божественные истины. Это были последние титанические усилия, и «почти мгновенно им пришлось уступить место открытию истинной природы иероглифов».

Эта же мысль прослеживается у В. Томсинова [2004, с. 67, 69]: «А. Кирхер пытался разгадать их (иероглифов. – Л.И.) смысл, но потерпел неудачу. Эта неудача стала особенно очевидной в начале XIX века – после того, как были получены первые весомые достижения в деле расшифровки традиционной письменности древних египтян. Через призму этих достижений все вообще научное творчество немецкого ученого-энциклопедиста стало казаться египтологам шарлатанством... На самом деле вклад Атанасиуса Кирхера в египтологию огромен. Но, к сожалению, его сочинения по древнеегипетской культуре не привлекают к себе должного внимания современных египтологов. Возможно, по той причине, что написаны они на трудной для понимания средневековой латыни. Но, может быть, и потому, что многие исследователи истории Древнего Египта просто не знают об их существовании. Между тем, даже одного произведения Атанасиуса Кирхера под названием “Египетский Эдип” достаточно, на мой взгляд, чтобы считать его одним из крупнейших ученых-египтологов за всю историю науки о Древнем Египте».

Характерно, что свою книгу «Эдип Египетский» Кирхер заканчивает иероглифом, означающим необходимость хранить тайну и молчание об изложенной высокой мудрости. Ф. Йейтс [2000] на этом основании рассматривает труд Кирхера как «эзотерический канал сохранения герметической традиции».

В заключение египетской темы в работах Кирхера добавим, что, возможно, не без его влияния египетские мотивы прочно вошли в живопись того времени. Египетские пирамиды и обелиски стали часто изображаться на полотнах художников XVII века: Н. Пуссена (кстати, лично знакомого с Кирхером), К. Лоррена, С. Бурдона, П. да Кортонна и др.

Божественный магнит

Параллельно с работой над египетскими древностями Кирхер продолжал изучать магнетизм. Как уже говорилось, этому вопросу была

посвящена его первая книга, а в 1641 году вышел в свет второй трактат на ту же тему и, наконец, в 1654 году – «*Magnes sive de arte magnetica*». В пе-

реводе на русский язык полное название этой книги (ее объем превышает 900 страниц) выглядит так: «Магнит или искусство магнетизма, в трех частях, в которых универсальная природа магнита, так же как и его использование во всех искусствах и науках объяснены новым методом. В дополнение приводятся неизвестные секреты природы от силы и удивительных эффектов магнита и других скрытых движений в природе в элементах, камнях, растениях, животных и других вещах благодаря всем видам физических, химических и математических экспериментов».

Уже из названия книги можно понять то значение, которое автор придает магнетизму. Несмотря на упоминание «физических, химических и математических экспериментов», излагается исключительно умозрительная концепция Кирхера о магнетизме как универсальной силе, пронизывающей всю материальную основу мира, от Солнца до мельчайших частиц. Магнитные свойства тела приобретают, находясь в универсальном магнетическом флюиде, отождествляемом Кирхером с Духовным светом. Это единственный в мире магнит, от которого исходит магнитная энергия, определяющая как движение планет, так и эмоциональную жизнь не только людей, но и животных и даже растений. При этом «магнетическая атмосфера» весьма изменчива, что и определяет разнообразие эмоционального состояния человека — любовь, ненависть, ревность, дружеское расположение, гнев, с их переходами и тончайшими оттенками, которые соответствуют изменениям магнетического поля.

Большое внимание уделяет Кирхер взаимоотношениям между растениями, усмотрев и в растительном царстве насыщенный эмоциональный мир, в котором совершенно явственно проявляются симпатии и антипатии. Для иллюстрации своих положений он приводит в качестве примеров отвращение виноградной лозы к капусте и, напротив, ее симпатию к масличному дереву, любовь лютика к водяной лилии и руты душистой — к фиге, и т.д.

В качестве доказательства магнетических связей между растениями и Солнцем Кирхер рассматривал упоминавшиеся выше часы-подсолнечник.

Современники восприняли концепцию Кирхера неоднозначно. Приводится мнение Р. Де-

карта, который, пролистав фолиант Кирхера, бросил фразу: «он больше шарлатан, чем ученый» [Findlen, 2004, p. 22]. По мнению П. Финдлен, такой нелестный отзыв объясняется принципиальным различием во взглядах на природу магнетизма. Механистическая философия Декарта, в которой магнетизм признавался физической причиной всякого движения, столкнулась с верой в божественную природу магнита у Кирхера.

* * *

Наряду с теологически окрашенными взглядами на сущность магнитных явлений, в истории изучения магнетизма имя Кирхера иногда упоминается в связи с первой попыткой осуществления магнитной съемки Земли. Такое не совсем точное мнение основано на реальном участии Кирхера в грандиозном предприятии под названием «Географический план», который был разработан по инициативе Генерала Ордена иезуитов Муцио Вителлески и осуществлялся в 1640-х годах. Предполагалось провести географическую реформу, включив в нее не только сбор различной географической и этнографической информации, но и разработку методов определения долготы местности, которую в это время определяли неудовлетворительно.

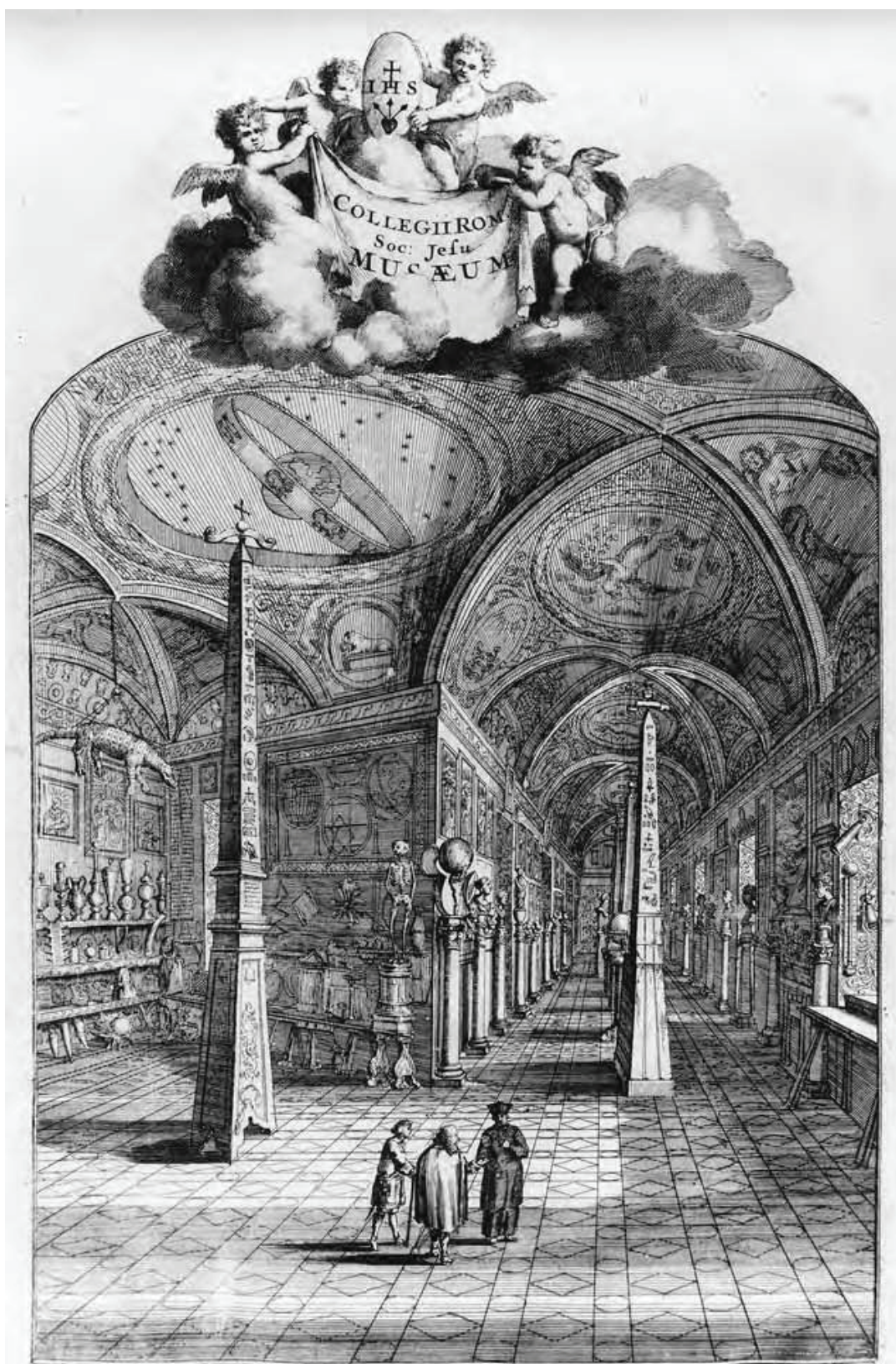
Для этого было решено использовать широко распространенную сеть иезуитских миссионеров во многих отдаленных странах, вменив им в обязанность повсеместно измерять отклонение магнитной стрелки.

Метод был предложен самим Кирхером, и он же стал центром по сбору информации. Письма шли в Рим на имя Кирхера и адресовались «нашему математическому князю в Риме». Таким образом, Кирхер был организатором первого централизованного сбора унифицированной научной информации. Он составлял таблицы этих измерений с указанием мест и времени наблюдений, однако полученные результаты оказались слишком противоречивыми для создания целостной картины. Кирхер снисходительно объяснял это врожденной греховностью наблюдателей, поскольку идеальным наблюдателем мог бы быть только ангел. В результате этот грандиозный проект захирел, а материалы к «Географическому плану» были похищены [Gorman, 2004].

Хранитель древностей

В 1651 году в Риме открылся музей, основу которого составила коллекция древностей и жи-

вописи римского аристократа Альфонсо Доннини, которую он подарил Римской коллегии. Ку-

*Kircheriana Domus naturæ artium, theatrum
Per cui vix alibi cernere posse datur.*

AMSTELÆDAMI.

Ex officina Janissonio-Waelbergiana Anno MDCLXXVIII.

Museum Kircherianum. А. Кирхер принимает посетителей музея

ратором музея назначили Кирхера, и он присоединил к собранию музея свое собрание редкостей, минералов и окаменелостей, включавшее, в том числе, часть подаренной ему раньше коллекции Фабри де Пейреска. Так возник уникальный Museo Kircheriano (Museum Kircherianum, Кирхерианум), ставший притягательной достопримечательностью Рима второй половины XVII века.

Поразительной особенностью этого музея, открытого в самом сердце католической церкви, было практически полное отсутствие в его собрании изображений и предметов христианского культа. По описанию Е. Ло Сардо, вместо распятий здесь были машины, деревянные обелиски, детские скелеты, чучела животных, римские погребальные урны, мозаики, монеты и т.д. [Lo Sardo, 2004; Godwin, 2009].

Идея, заложенная в экспозицию Кирхерианума, подразумевала символическое значение всех выставленных предметов, даже самых обычных, за внешностью которых скрывалась их Богом данная сущность. Музей служил совершенным

воплощением интеллектуальных устремлений Рима эпохи барокко с его неизбывным интересом к герметической мудрости. По свидетельству очевидцев, в экспозицию музея входили, среди прочего, диковинные изобретения самого Кирхера – говорящие машины, подслушивающие устройства, приспособления для разлива напитков для гостей. В Музее устраивались благочестивые представления на евангельские темы, в том числе хождения Христа по воде и встречи его с апостолом Петром.

Популярность Музея оказалась столь высокой, что водивший экскурсии по нему Кирхер жаловался на отсутствие времени даже на молитву. Сохранились описи Музея, составленные самим Кирхером. После его смерти экспонаты Museo Kircheriano были распределены по другим римским музеям. В 2001 году в Риме, в Венецианском дворце по каталогам Кирхера его экспозиция была реконструирована и демонстрировалась в рамках специальной выставки «Il museo del mondo» («Музей мира»).

В борьбе с чумой

В 1655 году в Риме вспыхнула очередная эпидемия чумы. В закрытом на карантин Collegio Romano Кирхер, чтобы отвлечься от ужасающего, по его словам, молчания города, написал работу на медицинские темы «Scrutinium Physico-Medicum Contagiosae Luis, quae dicitur Pestis» («Физико-медицинское исследование морового поветрия, именуемого чумой»), изданную в 1658 году. Поскольку уставом Ордена иезуитов врачебная практика была запрещена, Кирхер никогда не претендовал на статус медика, но вопросами врачевания интересовался. В других работах, особенно посвященных магнетизму, он также касался медицинских вопросов, например, рассуждая о природе противоядий, которую связывал с особыми свойствами магнетических воздействий.

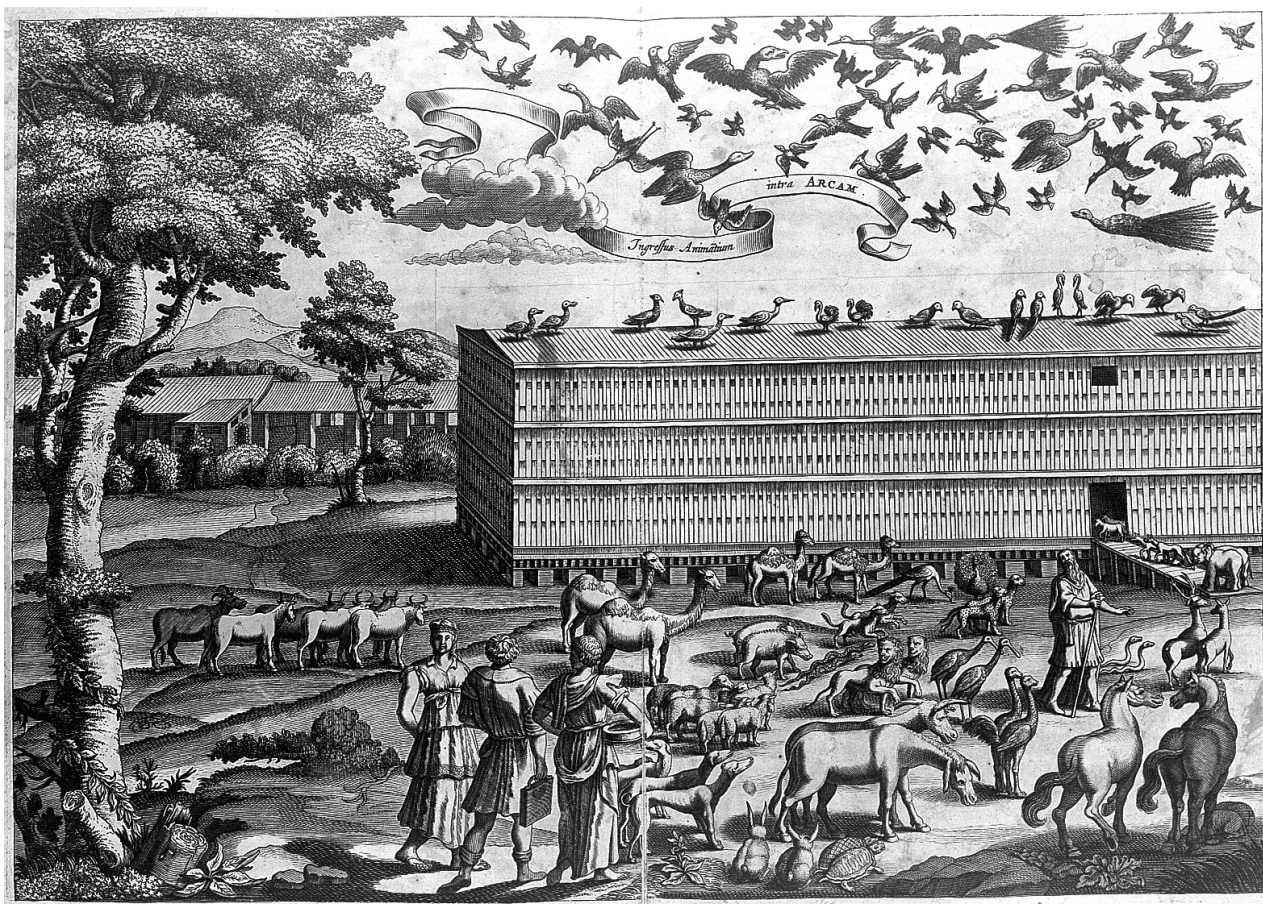
Указанное сочинение, с предисловиями трех римских медиков (скорее теоретиков), было одобрено папской цензурой. Прежде всего, Кирхер составил хронологическую таблицу эпидемий чумы по всему миру. Он рассматривает общие аспекты проблемы, задаваясь вопросами, как происходит заражение, какие звезды ответственны за возникновение чумы? Может ли медицина предложить эффективную терапию и эффективную профилактику болезни? Может ли чума преднамеренно распространяться злыми

людьми? Можно ли победить чуму силой воображения? Что может сделать обыкновенный человек, чтобы избежать болезни во время эпидемии? [Baldwin, 2004].

Признавая, что медицина его времени бессильна перед чумой, Кирхер высказывал вполне оптимистическую мысль о том, что в природе предусмотрено противоядие от любого яда и, следовательно, в будущем будет найдено лекарство и от чумы. С другой стороны, он предложил вполне разумные меры профилактики – изоляцию больных, медицинскую маску, сжигание одежды заболевших.

Свои объяснения природы чумы Кирхер основывал на философии панспермии, но подтверждал результатами собственных исследований различных веществ под микроскопом. «По представлениям Кирхера, мир полон разнообразных “семян”, представляющих собой мельчайший кусочек материи с одушевляющим его духовным началом, называемым археем (Archaeus), дыханием жизни (Aura vitalis) или растительной душой (Anima vegetativa)» [Игнатъев, 2012, с. 57].

Кирхер предполагал, что невидимые, но вполне материальные «семена» проникают в мельчайшие отверстия кожи человека и распространяют заразу по всему телу. Именно поэтому Кирхера считают автором инфекционной теории

Ноев ковчег перед Потопом. Иллюстрация к «Arca Noe»

возникновения болезней, хотя его «универсальные семена» продолжали ряд мифических субстанций, уже существовавших в европейской литературе: «он впервые выдвинул “паразитарную” теорию происхождения инфекций, отождествив установленное им “одушевленное истечение” (*effluvia animata*) с “чумоносными

червями” (*pestiferous vermes*) Д. Кардано, “тайными семенами” (*semina occulta*) Блаженного Августина, “семенами болезни” (*semina morbi*) Лукреция, “мельчайшими животными” (*animalia minuta*) Варрона и теорией самопроизвольного зарождения Аристотеля» [Игнатъев, 2012, с. 57].

О Китае и не только

В 1667 году вышла в свет книга Кирхера о Китае «*China monumentis, qua sacris qua profanes*» («Китайские монументы, как священные, так и мирские»). Она была составлена на основании донесений иезуитских миссионеров, работавших в Китае и поставлявших Кирхеру материалы, и представляла свод самых разнообразных сведений о практически неизвестной стране, включая описание географических условий, населения, религии, флоры и фауны. В частности, Кирхер имел возможность воспользоваться отчетами и материалами знаменитого иезуитского проповедника и ученого Михаила Бойма (1614–

1659), работавшего в Китае и выпустившего в 1656 году книгу «Флора Китая».

Но, возможно, самой большой заслугой Кирхера было то, что он поместил в свою книгу историю и расшифровку так называемой «Несторианской стелы», древнего христианского памятника с китайским текстом (датируется 781 г.), который был открыт в 1625 году и в переводе которого принял участие Михаил Бойм. Эти данные впервые стали доступны широкому европейскому читателю и дали возможность по-новому взглянуть на историю распространения христианства в Китае.

Книга Кирхера о Китае внесла солидный вклад в европейскую синологию даже несмотря

на то, что наряду с документальными материалами Кирхер не стеснялся вставлять свои собственные фантастические представления о далекой стране. Книга была прекрасно иллюстрирована, включала довольно подробную карту Китая, пользовалась большой популярностью и неоднократно переиздавалась [Conor, 1974; Hsia, 2004].

* * *

Среди других работ Кирхера следует назвать «*Arts Magna Lucis et Umbrae*» («Наука света и тени», 1646 г.). Именно этот труд пристально изучал Гёте, создавая свою известную теорию цвета. Перу Кирхера принадлежит также «*Musurgia Universalis*» («Универсальное музыкальное искусство», 1650 г.) – большой труд о музыке, не потерявший своего значения до настоящего времени.

Занимался Кирхер и апологетико-экзегетическими исследованиями, самыми известными из которых стали «*Arca Noe*» («Ноев ковчег», 1675 г.) и «*Turris Babel*» («Вавилонская башня», 1679 г.).

«*Mundus Subterraneus*» («Подземный мир»)

Перечисленными работами далеко не исчерпывается литературное наследие Кирхера. Всего при жизни им было опубликовано около 40 книг, при этом каждый том содержал до тысячи страниц и был обильно и мастерски иллюстрирован. Над оформлением книг Кирхера трудился большой коллектив искусных художников и гравёров. По некоторым сведениям, его книги покупались не столько для чтения, сколько в качестве художественных альбомов. Они ценились библиофилами всей Европы уже в его время, и этот интерес к ним сохранился до сих пор. «Я не библиофил, – говорит один герой романа «Маятник Фуко» Умберто Эко. – Но кое-что я просто должен был иметь. Это «*Mundus Subterraneus*» Атанасиуса Кирхера 1665 года издания».

В 2004 году итальянским издательством «Arnaldo Forni Editore» 954-страничный «*Mundus Subterraneus*» был издан как факсимильное подарочное издание к XXXII Международному геологическому конгрессу, состоявшемуся во Флоренции. В 2011 году было выпущено еще одно факсимильное издание этого труда. Им награждаются почетные профессора итальянских университетов.

Этот трактат представляет, вероятно, самое известное произведение Кирхера. «*Mundus subterraneus*», или «Подземный мир», был впервые

«*Arca Noe*» – сочинение, приводящее самые подробные сведения о Ноевом ковчеге: его размерах, материале, из которого он был построен, животных, спасшихся на нем от Потопа. Разбирается даже вопрос о том, был ли предусмотрен на ковчеге домашний скот, чтобы кормить диких животных и т.д.

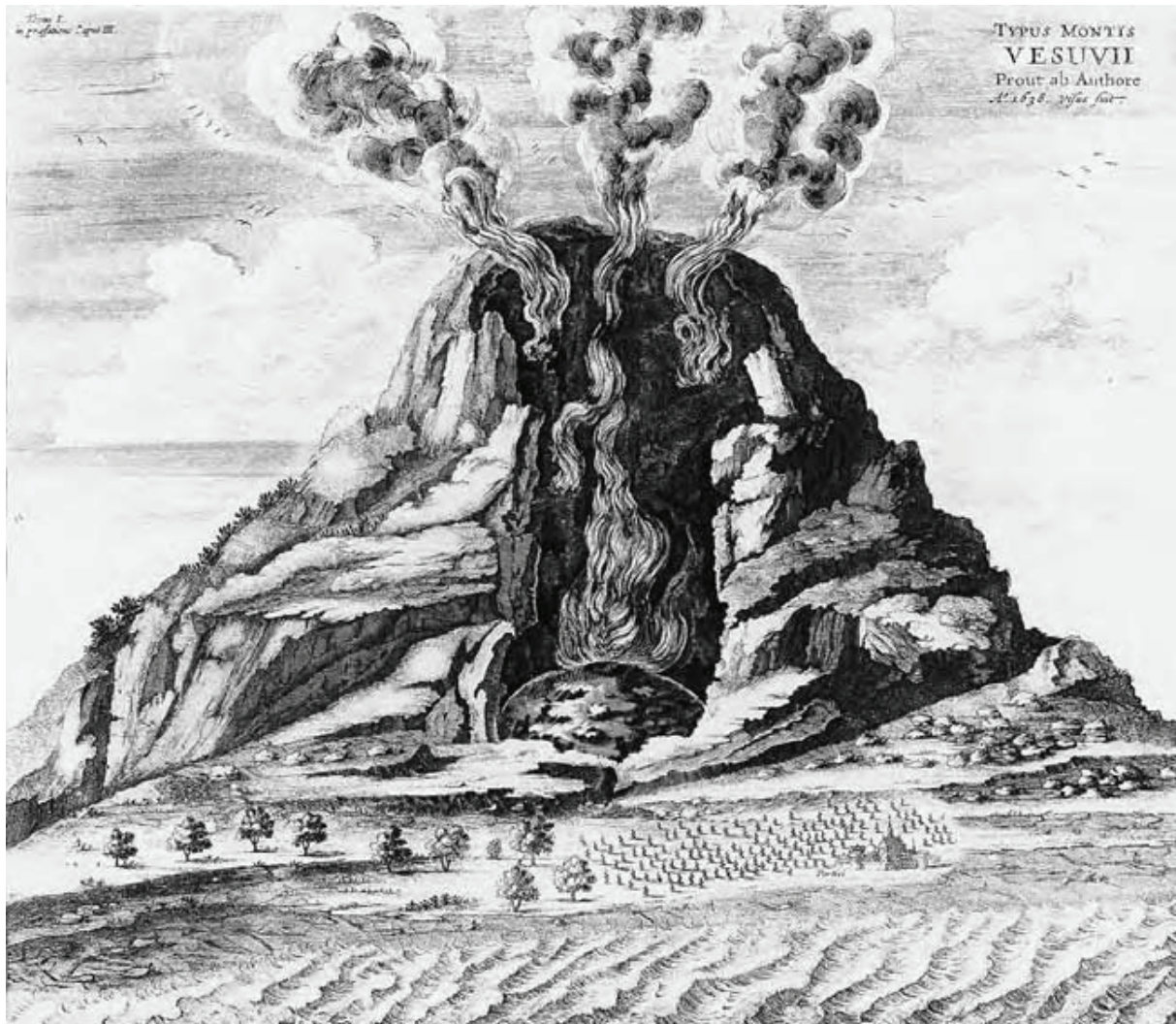
Однако интересно то, что при непредвзятом прочтении в этом труде можно найти проблески будущей теории эволюции: Кирхер объясняет появление некоторых неизвестных до Потопа животных изменением природных условий после ужасного наводнения. Впрочем, тут же он чрезвычайно вольно допускает всевозможные комбинации видов, полагая, например, что жираф произошел от скрещивания леопарда и верблюда.

Не менее фантастична и «*Turris Babel*», но и здесь рассыпаны остроумные соображения о едином праязыке человечества [Conor, 1974; Fletcher, 2011].

издан в 1664–1665 годах и позже не раз переиздавался. В нем изложены взгляды Кирхера на устройство нашей планеты и освещены многие специальные и частные вопросы, до сих пор определяющие проблематику наук о Земле. Кирхер касается здесь вопросов геологии, палеонтологии, океанографии, химии, биологии, астрономии, метеорологии и математики.

Следует упомянуть в этой связи еще две книги Кирхера, предшествующие появлению «Подземного мира» – «*Itinerarium extaticum*» («Экстатическое путешествие») и «*Iter extaticum secundum*» («Второе экстатическое путешествие»), изданные в 1650-е годы – своеобразные предвосхищения будущего научно-фантастического жанра с описанием космических путешествий в состоянии сновидений или транса [Rowland, 2000]. Во втором из них появляется что-то вроде введения к будущему «*Mundus Subterraneus*». Разумеется, при таком универсальном интересе к окружающему миру Кирхер был просто обречен на создание этого произведения. В каком-то смысле он перенес свой интерес к иероглифам на природу, проводя аналогию между расшифровкой первых и пониманием второй.

Первым таким иероглифом был для него магнетизм, позднее он убедился в существовании и множества других загадочных явлений в природе. При этом Кирхер отвергал чудеса, полагая,

Извержение Везувия. Рисунок из «Подземного мира»

что природа, повинувшись своим естественным законам, много чудесней.

Ему пришлось стать свидетелем грандиозного проявления внутренней жизни Земли, что не могло не послужить толчком для активной работы мысли в направлении, связанном с устройством Земли. Несмотря на преимущественно оседлую жизнь в Риме, Кирхеру довелось совершить весьма насыщенное приключениями путешествие на юг Италии в 1637–1638 годах, когда он сопровождал немецкого принца на Мальту. Во время этого путешествия он стал свидетелем, по его словам, «величественного театра природы», с участием грозных стихий в качестве участников. Имеется в виду извержение вулканов Везувий, Этна и Стромболи и сильное землетрясение (Великое калабрийское землетрясение), жертвами которого стали около 10 000 человек.

Везувий начал извергаться в 1630 году, и это было самое сильное извержение после катастро-

фы 79 года, погубившей Помпеи и Геркуланум. С декабря 1631 по январь 1632 годов извержение Везувия привело к обрушению кальдеры, вызвало цунами и грязевые потоки. Жертвами стали около 4000 человек, были разрушены фермы и погублены виноградники. К 1637 году пик деятельности вулкана был пройден, но он еще дымился и время от времени продолжал извергать лаву. Кирхер решился на достаточно опасное и рискованное предприятие – спуститься в кратер Везувия. По его словам, «когда я достиг кратера, страшно сказать, я увидел, что он весь в огне, с невыносимым запахом серы и горящего битума. Мне казалось, я смотрю на царство мертвых и вижу ужасные фантомы демонов, воспринимаю стоны и конвульсии ужасной горы, необъяснимый смрад, темный дым, смешанный с огненными шарами, которые продолжали извергать дно и стенки горы из одиннадцати различных мест, вызывая рвоту и у меня» (цит. по [Scott, 2012]). Ут-

ром он измерил пантометром (прибором, который сам сконструировал) размеры вулкана.

Уже тогда Кирхер сделал некоторые важные выводы, вошедшие в будущую книгу. Так, почувствованные запахи дали ему основание полагать, что вулканическая деятельность обязана сгоранию серы, битумов и селитры (порохообразное взрывчатое соединение), что приводит к взрыву и извержению горящего материала. Тем самым вулканы представляют отдушины для выхода горящего внутри Земли вещества, объем которого превышает размеры конкретного вулкана, а вулканическая деятельность может создавать и уничтожать горы. Одновременное извержение Везувия, Этны и Стромболи привело Кирхера к выводу о том, что под землей существовала связь между источниками вулканических извержений.

Сделанный А. Кирхером рисунок извергающегося Везувия украсит «Mundus Subterraneus», вышедший почти через 30 лет после описанных событий.

«Mundus Subterraneus» состоит из двух томов, первый том описывает «замечательную структуру земного шара», а во втором рассматриваются в некотором роде экологические проблемы, связанные с рациональным использованием земных благ.

В целом в этой работе, как и в других трудах Кирхера, затрагиваются самые разнообразные темы, касающиеся внутреннего устройства Земли. Множество отвлечений от основной темы книги трактуют о Солнце и Луне, затмениях и фейерверках, об ископаемых, гравитации, горном деле, астрологии, а также о драконах, дьяволах, гигантах, подземных людях, травах, ядах и противоядиях и еще многом другом.

«Подземный мир» великолепно иллюстрирован. Среди иллюстраций – карта Атлантиды, заимствованная Кирхером из древнеегипетских манускриптов.

По представлениям Кирхера, внутренняя часть Земли содержит пустоты, занятые огнем, водой и воздухом (аerophylacia, hydrophylacia, rugophylacia – темницы или камеры для воздуха, воды и огня). Есть под землей и другие «темницы» – переходы-вместилища производительных семян для образования минералов и пород.

В центре Земли находится Центральный огонь, промежуточные очаги располагаются в более высоких сферах, и наиболее высокорасположенные из них питают вулканы.

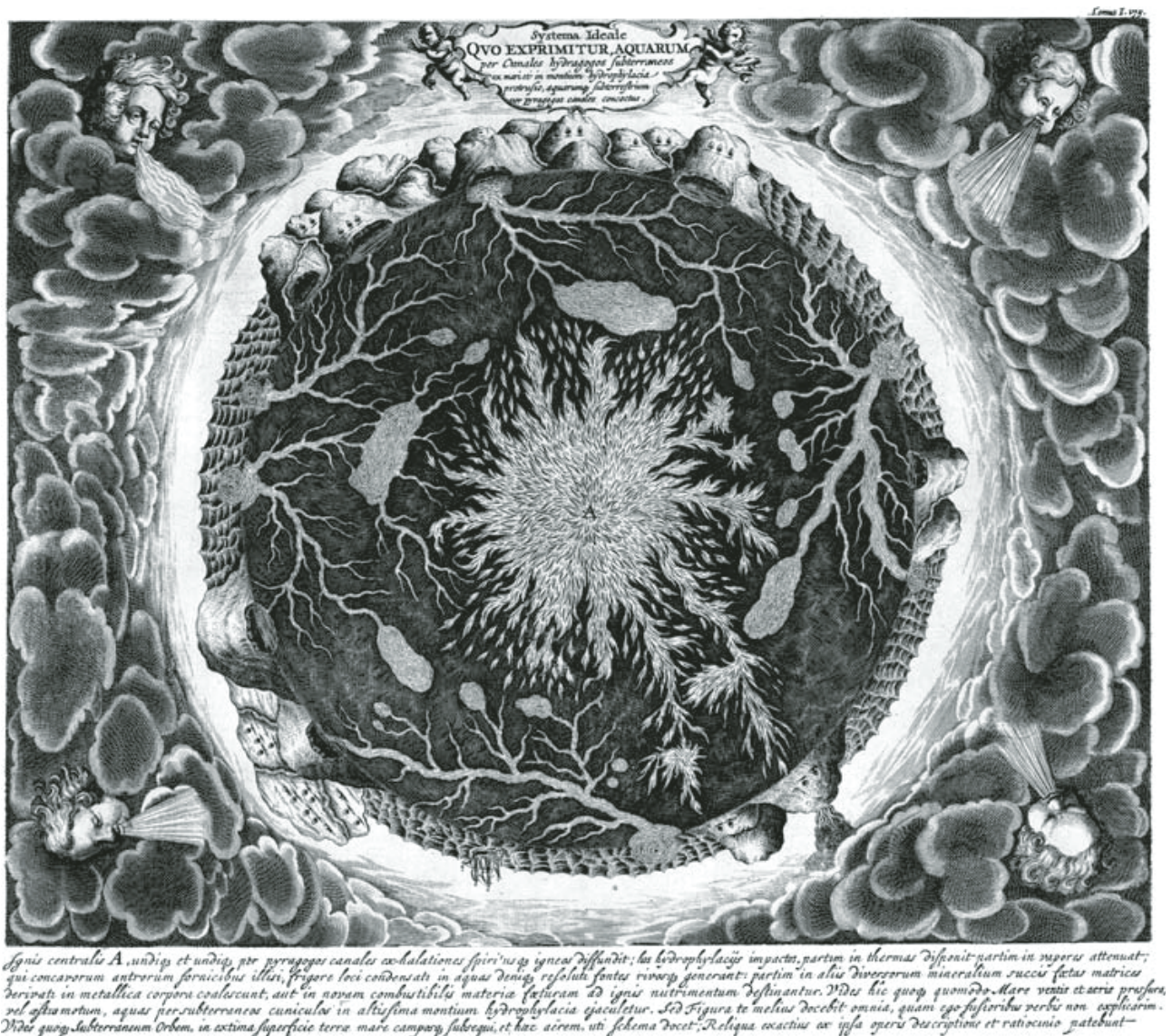
В Земле наблюдается равновесие между разогреванием и охлаждением: «вода, огонь, взаимно

они оберегают друг друга и по взаимному согласию охраняют Геокосм, или земной мир» [Fletcher, 2011]. Именно равновесие между водой и огнем оберегает Землю от подземного пожара, испепелившего бы ее без участия воды.

Кирхер одним из первых предположил увеличение температуры с глубиной в недрах Земли. При этом он подчеркивал, что распределение водных и огненных очагов на его рисунках условно: «Они распределены разнообразно, так что ничто не упущено, что каким-либо образом необходимо для сохранения Геокосма. Но не следует думать, что огонь размещен в точности, как показано на рисунке. Потому что кто видел это? Кто из людей проникал туда? Этим рисунком мы лишь хотели показать, что внутренность Земли полна каналов и камер огня... Наконец, мы проводим огонь от центра через все этажи подземного мира прямо к вулканам, расположенным на поверхности Земли...».

Кирхер находил связи между горами, вулканами, реками и океаном, усматривая их в круговороте воды на Земле, полагая, что все водные потоки берут начало из водяных камер, расположенных под крупными горными массивами. Реки и ручьи текут в океан и в водоворотах втягиваются в подземный мир. Наиболее крупный водоворот он предполагал к северу от Норвегии, отсюда воды через внутренние каналы выходили на поверхность в районе Южного полюса.

Интересны представления Кирхера об ископаемых, как в ту эпоху называли все подземные образования, различая «фигурные камни» и минералы. Он «развил целую теорию об истинном принципе окаменения» [Игнатъев, 2012]. Дискуссия о «фигурных камнях» была одной из наиболее длительных в истории геологии, взгляды ее участников различались от признания органической природы ископаемых до отнесения их к разряду «курьезов натуры». Кирхер не сомневался в органическом происхождении множества окаменевших организмов – устриц, моллюсков, улиток, грибов, водорослей и других обитателей морского дна, о которых он писал как о «не стоящих упоминания». Куда больше его занимал вопрос, как возникают на поверхности горных пород изображения человеческих лиц, букв латинского алфавита, сцены на евангельские темы (подобные изображения в изобилии находятся в его книге). И хотя он не исключал Божественное вмешательство (в другой работе он посвятил этой теме главу «Природа как художник»), предполагалось, что оно происходило по естествен-

Взаимоотношение огня и воды в недрах Земли. Иллюстрация к «Подземному миру»

ным законам. Поэтому употребляемые им термины *vis lapidifica*, *spiritus architectonicus*, *spiritus plasticus*, *virtus*, *succus* – окаменяющая сила, формирующий дух, пластический дух, сила, сок – были лишь вспомогательным средством, паллиативными терминами для явлений, пока недоступных рациональному объяснению, но, по крайней мере определяющих проблему исследования, решение которой возможно в будущем [Parcell, 2009; Harrington, 2009].

Кирхер предполагал упорядоченное расположение горных хребтов на поверхности земного шара – на его схеме они следовали строго по двум направлениям – субширотному и меридиональному. В этой связи следует упомянуть о знакомстве Кирхера с Н. Стеноном (1636–1686), по-

смертная судьба которого столь отлична от таковой Кирхера. Известно, что они переписывались и даже встречались в Риме предположительно в 1666 году. В своей работе «Prodromus» (1669), Стенон цитирует переведенные им работы Кирхера по магнетизму, использует его идеи о влиянии магнетизма на рост кристаллов, но выражает критическое отношение к схеме расположения гор Кирхера: он предполагал еще и диагонально ориентированные горные цепи. Кроме того, распространение действия «формирующего духа» на «органический» рост гор также было в противоречии со взглядами Стенона о «коллапсовой тектонике». Однако главной темой их переписки были теологические вопросы, и не исключено, что Кирхер способствовал окончательному решению Стенона посвятить себя мисси-

онерской деятельности, которая так привлекала его самого [Yamada, 2006].

«Mundus Subterraneus» рассматривается в настоящее время как связующее звено между средневековыми представлениями и нарождавшимися эмпирическими знаниями, положившими начало «научной революции» XVII столетия. В этой работе были освещены практически все основные проблемы натуральной философии. Именно поэтому в «Подземном мире» символические образы, аллегории и метафоры используются наряду с эмпирическими заключениями. При этом результаты проникательных наблюдений соседствуют с красочными картинками из жизни подземных обитателей и драконов, описанных с той же степенью убежденности в их существовании.

Мировоззрение Кирхера соответствовало платонистической философии, подразумевавшей, что Бог создал мир как проявление своего совершенства. Именно такой и представляется Земля в труде Кирхера. Сторонник холистического взгляда на природу, он искал тайные узлы, связывающие все явления в мире, и наиболее отчетливо выразил эту идею в «Подземном мире». В этой работе отчетливо проводится идея, активно развивавшаяся впоследствии Дж. Геттоном (1726–1797) и вновь ставшая популярной со второй половины XX века. Идея о том, что Земля («сферический Геокозм») – живое существо, несколько даже антропоморфное, скелетом которому служат горы, аналогом кровеносной системы – водная система, а огненные очаги определяют жизненную энергию. Равновесие Геокозма определяется гармоничным соотношением огня и воды. В свою очередь это служит предпосылкой для безопасного существования человечества [Fletcher, 2011].

«Mundus Subterraneus» отражает все особенности мышления его автора – грандиозность задачи, вовлечение всех имеющихся материалов, рассмотрение широкого круга проблем, красочность изложения и безудержную фантазию, используемую как равноценный источник инфор-

мации при создании этого монументального труда. Однако при таком равноценном отношении к достоверным фактам, догадкам и чистому полету воображения Кирхер отличался и научной проницательностью в тех случаях, где большинство усматривало необъяснимое чудо. Так, он расшифровал загадку появления крестов на одежде неаполитанцев после очередного извержения Везувия, предприняв кропотливое научное исследование характера тканей, состояния атмосферы и состава появляющихся изображений и сделав правильный, хотя и прозаический вывод о связи характера переплетения нитей ткани с оседавшей на них взвешенной в воздухе пылью из вулканического материала.

В связи с усилившимся интересом к личности Кирхера и его трудам уместно добавить, что в последнее время происходит если не переоценка, то, по крайней мере, рост пристального внимания специалистов к его «Подземному миру». Так, специальная работа посвящена поставленным в палеонтологический и семиотический ряд изысканиям Кирхера об ископаемых [Parcell, 2009].

Соображения о разрушительной работе воды в известняковых массивах позволяют числить Кирхера среди основоположников карстологии [Shaw, 1992].

«Подземные пустоты» Кирхера (несколько на наш взгляд прямолинейно) вписаны в эволюцию представлений о проницаемости кристаллической земной коры в работе В.И. Богданова и Т.И. Маловой [2015].

А в статье итальянского геолога о несостоятельности главных современных геотектонических гипотез – тектоники плит и плюмовой тектоники – приводится рисунок строения земного шара с огненными очагами из труда Кирхера. И утверждается, что в этом направлении исследователи в области наук о Земле мало продвинулись со времени Кирхера, поскольку одна из последних геодинамических гипотез – плюмтектоника слишком напоминает схему Кирхера об огненных очагах в недрах Земли [Gregori, 2009].

Кирхер-археолог

Еще об одной из книг Кирхера «Historia Eustachio-Mariana» («История Евстахио-Мариана», 1665 г.) следует сказать особо. В 1661 году Кирхер, проводя исследования в районе Лациума, к югу от Рима, обнаружил разрушенную церковь Св. Евстахия. С этой церковью была связана

легенда о римском военачальнике II века, который в этих местах охотился на оленей. Во время охоты на высокой скале появился прекрасный олень, и когда воин прицелился, он увидел распятие между рогов животного. Такое чудо послужило для мгновенного обращения язычника-

Обращение Св. Евстахия

Церковь Св. Евстахия в
Менторелле

римлянина в христианство. Позднее он принял мученическую смерть и был канонизирован как Св. Евстахий. В XII веке на этой скале, в местечке Менторелла, была возведена посвященная ему церковь, пришедшая в упадок ко времени, когда ее развалины обнаружил Кирхер.

Благодаря усилиям и энергии Кирхера церковь была восстановлена и стала местом его постоянного паломничества. По воспоминаниям современников, предпоследний год своей жизни он почти постоянно находился там, проводя много времени в молитве. По завещанию Кирхера, в этой церкви было захоронено его сердце [Findlen, 2004; Glassie, 2012].

Кирхер-изобретатель

Отдельного внимания заслуживают изобретения Кирхера. Здесь уместно назвать только некоторые из них, отсылая заинтересованного читателя к другим источникам.

Самым знаменитым из этих изобретений был так называемый «*Organum Mathematicum*» («Математический орган»), который по праву рассматривается как прообраз первого компьютера. Это была своего рода вычислительная машина, позволяющая решать задачи арифметики, геометрии, фортификации, астрономии, астрологии и даже

тайнописи, а также рассчитывать и определять время.

К получившим известность изобретениям Кирхера относятся прибор для улучшения слуха слабослышащих, подобие проекционного аппарата и музыкальные инструменты.

К разряду курьезов можно отнести прибор для записи пения птиц, а также приспособление для устрашения противника в виде наполняемого светящимся газом огромного дракона, на животе которого была надпись «*Ira Dei*» («Гнев Божий») [Fidler, 2011].

Заключение

Кирхер был широко известен в свое время. П. Финдлен [Findlen, 2004] даже называет его «первым ученым с мировой репутацией». Этому способствовали не только труды, но и во многом участие Кирхера в так называемой «Республике писем», получившей широкое распространение в XVII веке – интенсивной переписке между интеллектуалами европейских государств: «В течение всей жизни он вел постоянную переписку с образованнейшими людьми своего времени. В числе его корреспондентов были такие ученые, как Лейбниц, Торричелли, Гассенди. С ним переписывались императоры Священной Римской империи, главы Римско-католической церкви, кардиналы, курфюрсты, епископы и другие знатные люди тогдашней Европы. В одном только архиве Папского Григорианского университета в Риме хранится в настоящее время 2291 письмо Атанасиусу Кирхеру на латинском, итальянском, испанском, французском, немецком, голландском, фарси, арабском, китайском, армянском, коптском и других языках. Письма же самого Атанасиуса Кирхера разбросаны по многим европейским архивам. Из них опубликована лишь мизерная часть» [Томсинов, 2004, с. 65].

Однако, сохранившиеся свидетельства об отношении к Кирхеру других выдающихся ученых, его современников, далеко не однозначны. Выше

уже цитировалось пренебрежительное замечание Декарта. Зато известно восторженное письмо Кирхеру от 16 мая 1670 года молодого Г.В. Лейбница (1646–1716) после знакомства с его работой по Китаю: «В остальном я желаю тебе, о ты, который достоин бессмертия, – в той мере, в какой оно выпадает на долю людей, чему счастливым подтверждением служит твое имя, – бессмертия в энергичной, полной юношеских сил старости». Однако позднее, сравнив свою диссертацию «*De Arte Combinatoria*» («Об искусстве комбинаторики», 1666 г.) и книгу Кирхера «*Ars magna sciendi sive combinatorica*» («Великое искусство познания, или комбинаторика», 1669 г.), Лейбниц ядовито заметил, что Кирхер даже не мечтал об анализе человеческой мысли, которую провели другие. А приехав в Рим после осмотра обелиска Лейбниц высказался о Кирхере еще более уничижительно: «Он не понимал ничего» [Findlen, 2004, р. 6; Томсинов, 2004, с. 70].

Во многом подобные резкие отзывы могут объясняться взаимной ревностью современников, но, разумеется, и сам Кирхер невольно пожинал плоды своей неумеренной фантазии и стремления объять необъятное. Так, в письме к Галилею Торричелли свидетельствовал: «Кирхер наряду с астрологиями, часами, анемометрами, графиками собирает также эпиграммы, двусте-

шая, эпитафии и надписи на латинском, греческом, арабском, еврейском и других языках, а, кроме того, среди прочих прекрасных вещей, также партитуру песенки, которую считают противоядием против укуса тарантула» (цит. по [Кузнецов, 1964, с. 278]).

Но главной причиной было изменение исторических условий, в которых менялось и содержание вызовов времени. Подступала «научная революция», и лучше всего изменившееся отношение к знаниям выразил Р. Декарт, сказавший, что готов забыть все, что знал, чтобы понять кое-что. Какой вызов «omnia in omnibus» Кирхера!

* * *

В отечественной литературе Кирхер продолжает свое скромное посмертное существование преимущественно в обзорах по истории различных дисциплин в науках о Земле [Белоусов, 1993; Игнатьев, 2012; и др.]. Есть редкие специальные работы, посвященные вопросам египтологии в наследии Кирхера [Стрельцов, 2013; Томсинов, 2004]. Обстоятельно отношение Кирхера к египетской теме и, в частности, к герметизму освещено в монографии Френсис Йейтс «Джордано Бруно и герметическая традиция», введенной в отечественный культурный дискурс, благодаря переводу Г.М. Дашевского, опубликованному в «Новом литературном обозрении» в 2000 году.

Кроме того, просвещенные блоггеры посвящают этому ученому свои страницы, проявляя незаурядную осведомленность и оспаривая авторитет Леонардо да Винчи в пользу Кирхера.

Особый интерес для автора представляло выяснение вопроса, насколько и как давно имя и труды Кирхера были известны в России. Хотя это совершенно самостоятельная тема, требующая длительных и упорных разысканий, все же удалось кое-что установить. Так, выяснилось, что имя Кирхера и его труды по египтологии были предметом интереса царя Алексея Михайловича (1629–1676), современника ученого монаха. В Приказе тайных дел хранились прорисовки египетских иероглифов, заимствованные из «Oedipus Aegyptiacus» (1652–1654 гг.). В октябре 1671 года в очередной подготовленный для царя

сборник новостей «Куранты» включили сообщение, пришедшее из Рима: «Да здесь же прислано из Польши некоторые чудесные характеры, начертания, для показанию Афонасию Кирхерию, мужу зело мудрейшему в науке математической, ему же чают нигде подобного не обретается». Известили «Куранты» и о смерти Кирхера в 1680 году [Шамин, 2010].

При работе с научными материалами журнала «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях», приложения к газете «Санкт-Петербургские ведомости», которое выходило в 1728–1742 годах, обнаружилось, что авторы статей об извержениях вулканов обильно цитировали Кирхера, в том числе – описание его отважного путешествия в жерло дымящегося Везувия. Авторами статей были молодые академики только недавно учрежденной Петербургской Академии наук. Очевидно, «Подземный мир» Кирхера был в академической библиотеке с самого начала ее основания [Иогансон, 2017].

В Российской государственной библиотеке («Ленинке») имеется несколько прижизненных изданий Кирхера, в том числе «Mundus subterraneus», «Arca Noe», «Turris Babel» «Historia Eustachio-Mariana» и др. С маленькой тайной надеждой узнать происхождение этих раритетов, автор обращался к библиотекарям и разглядывал замысловатые экслибрисы. Проникнуть в историю появления этих внушительных изданий, конечно, не удалось. Но сами роскошные фолианты, одетые в светлую кожу, с изысканным латинским шрифтом, поразительно достоверными иллюстрациями даже для «Ноева ковчега» и «Вавилонской башни», служили наглядной связью с их автором, демонстрируя своим присутствием в наши дни, что «дьявольское время» (В. Набоков) не так уж всеисильно. Книги Кирхера есть и в других библиотеках нашей страны – в Ростовской и Ялтинской, например.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что незаурядная личность Кирхера и его разноплановые труды найдут более широкий интерес и отклик в отечественном историко-научном дискурсе.

Литература

Белоусов В.В. Очерки истории геологии. У истоков науки о Земле (геология до конца XVIII века). – М., 1993. – 272 с.

Богданов В.И., Малова Т.И. Атанасиус Кирхер и эволюция представлений о проницаемости кристаллической земной коры // Немцы в Санкт-Петербурге:

Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 9. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 6–20.

Игнатъев И.А. По стопам «титанов Возрождения»: знания об ископаемых растениях в XV–XVI столетиях // *Lethaea rossica*. – 2012. – Т. 6. – С. 46–58.

Иогансон Л.И. Журнал «Примечания на ведомости» как введение в естествознание в России в первой половине XVIII века // Необычные и экстремальные явления XVIII века. Вып. 1. – СПб.: БАН, 2017. – С. 8–31.

Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция / Перевод Г. Дашевского. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 529 с.

Кузнецов Б.Г. Галилей. – М.: Наука, 1964. – 326 с.

Стрельцов А. Человек, знавший все: Афанасий Кирхер // Истор. журн. – 2013. – № 4. – С. 76–91.

Томсинов В.А. Краткая история египтологии. – М.: Зерцало – Вече, 2004. – 320 с.

Шамин С.М. Неизвестная тайнописная азбука из архива Приказа тайных дел // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2010. – № 2. – С. 103–106.

Baldwin M. Reverie in Time of Plague: Athanasius Kircher and the Plague Epidemic of 1656 // *P. Findlen* (ed.). *Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything*. – N.Y.: Routledge, 2004. – P. 63–78.

Conor R. Athanasius Kircher – a master of a hundred arts, 1602–1689. – Wiesbaden: Studia Kircheriana, 1974. – 207 p.

Findlen P. The last man who knew everything... or did he? // *P. Findlen* (ed.). *Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything*. – N.Y.: Routledge, 2004. – P. 1–48.

Fletcher J. A study of the life and works of Athanasius Kircher, «Germanus Incredibilis». – Leiden; Boston: Brill, 2011. – XXXIV+607 p.

Glassie J. A Man of Misconceptions: The Life of an Eccentric in an Age of Change. – N.Y.: Riverhead of books, 2012. – XVI+335 p.

Godwin J. Athanasius Kircher: A Renaissance Man and the Quest for Lost Knowledge. – L.: Thames & Hudson, 1979. – 96 p.

Godwin J. Athanasius Kircher's Theatre of the World. – L.: Thames & Hudson, 2009. – 320 p.

Gorman M.J. The Angel and the Compass: Athanasius Kircher's Magnetic Geography // *P. Findlen* (ed.). *Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything*. – N.Y.: Routledge, 2004. – P. 239–262.

Gregori G.P. The Earth's Interior – Myth and Science // New Concepts in Global Tectonics Newsletter. – 2009. – No. 53. – P. 57–75.

Harrington R. Athanasius Kircher's «Mundus Subterraneus» (1664) // The Volcanism Blog. – 2009.

Hsia F. Athanasius Kircher's China Illustrata (1667) // *P. Findlen* (ed.). *Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything*. – N.Y.: Routledge, 2004. – P. 383–404.

Lo Sardo E. Kircher's Rome // *P. Findlen* (ed.). *Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything*. – N.Y.: Routledge, 2004. – P. 51–62.

Parcell W.C. Signs and symbols in Kircher's Mundus Subterraneus // Mem. Geol. Soc. Amer. – 2009. – No. 203. – P. 63–74.

Principe L.M. The Scientific Revolution: A Very Short Introduction. – N.Y.: Oxford University Press, 2011. – 155 p.

Rowland I.D. The Ecstatic Journey: Athanasius Kircher in Baroque Rome. – Chicago: University of Chicago Library, 2000. – XIII+109 p.

Scott M. Happy birthday, Athanasius Kircher // Earth Observatory. – 2012.

Shaw T.R. History of Cave Science: The exploration and study of limestone caves, to 1900. – Sydney: Speleological Society, 1992. – 338 p.

Yamada T. Kircher and Steno on the «geocosm» // Mem. Geol. Soc. Amer. – 2006. – No. 411. – P. 65–80.